

РЕЦЕНЗИИ

И.В. Высоцкая

Новосибирский государственный университет

Сигал К.Я. Словосочетание как лингвистическая и психолингвистическая единица / К.Я. Сигал; [отв. ред. В.А. Виноградов]; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. М.: Ключ-С, 2010. 92 с.

Аннотация: В книге рассмотрены дискуссионные вопросы теории словосочетания в отечественной лингвистике, приведено психолингвистическое экспериментальное исследование метаязыковых представлений носителей русского языка о словосочетании. В рецензии ставится вопрос соотношения единиц языка и науки о языке, языкового и метаязыкового сознания.

The book deals with debatable questions of word combination theory in home linguistics, gives psycholinguistic experimental investigation of metalanguage word combination images of native speaker of Russian language. The book review puts a question of correlation between language units and research of language, between language and metalanguage consciousness.

Ключевые слова: словосочетание, традиционный и валентностный синтаксис, языковое сознание, метаязыковые представления носителей языка, прототипическая модель, субстантивно-адекативное словосочетание.

Word combination, traditional syntax and syntax of valencies, language consciousness, metalanguage images of native speaker of a language, prototypical model, substantive-adjective word combination.

УДК: 811.161.1'367.4.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Пирогова, 2. НГУ, кафедра семиотики и дискурсного анализа. Тел. (383) 3634022. E-mail: vysotskya@mail.ru.

Новая книга Кирилла Яковлевича Сигала посвящена статусу словосочетания в лингвистике и психолингвистике. Главной задачей является «верификация гипотезы о том, что словосочетание – это особая единица не только языка / речи, но и языкового сознания» (с. 3), которое отождествляется с сознанием метаязыковым.

Выход этой книги чрезвычайно важен, поскольку она заставляет обратиться к постулатам науки о языке. Совершенно справедливое замечание автора: «...в начале XXI века было бы весьма неосмотрительно считать, что природа словосочетания в синтаксической науке окончательно познана» (с. 3), – вполне применимо и к другим традиционно выделяемым основным единицам языка. Впрочем, монография К.Я. Сигала заставляет вдумчивого читателя размышлять и над другими «вечными» лингвистическими темами, вероятно поэтому тоненькая книжечка читается медленно, хотя описание психолингвистического эксперимента (как всегда в работах этого автора [Сигал, 2004; 2009], захватывающее) «проглатывается» мгновенно.

Внимание к теории словосочетания особенно актуально на фоне современной речевой практики, представляющей богатую «палитру» аномальных сочетаний (достаточно вспомнить названия телепередач и кинофильмов «*Что хочет*

женщина?», «Имя Россия», «Гадкий я» и под. – вплоть до креативного «зашкаливания»: «Как я провел этим летом»).

Монография «Словосочетание как лингвистическая и психолингвистическая единица» включает две главы, первая из которых обращена к природе словосочетания в обоих названных аспектах, вторая – синтаксической форме словосочетания. Несколько слов о содержании каждой из глав.

Итак, часть первая. Ее открывает краткий экскурс в историю изучения словосочетания, которая восходит к изучению «способов соединения слов в предложении» (с. 6) у Аполлония Дискола (II в. до н. э.). Затем анализируются синтаксические труды отечественных ученых. В противовес утверждению о том, что «вся вторая половина XX века и начало XXI века не дали ничего существенного теории словосочетания» (с. 8), Кирилл Яковлевич возвращает своих читателей к дискуссии 1975–1979 гг., инициированной статьей Юрия Викторовича Фоменко¹ «Является ли словосочетание единицей языка?» в журнале «Филологические науки».

Анализ материалов дискуссии дает возможность подробнейшим образом сопоставить разногласия сторонников традиционного и так называемого «валентно-стного» синтаксиса по целому ряду интереснейших вопросов: о номинативной функции словосочетания, о его связи с понятием, о воспроизводимости, о границах словосочетания, о дублировании категорий словосочетания и членов предложения. К.Я. Сигал соглашается с Ю.В. Фоменко только в вопросе о системе форм словосочетания – точнее, об отсутствии таковой. В остальных вопросах автор рецензируемой монографии отстаивает классические взгляды, вовлекая «тридцать лет спустя» в сферу обсуждаемого вопроса новые контраргументы.

В частности, К.Я. Сигал подчеркивает уход от бинарности и расширение «репертуара» современного синтаксиса, в котором наряду со словосочетанием и предложением выделяют «как меньшую по формату синтаксическую единицу – словоформу (или синтаксему), так и большие – сложное синтаксического целое и даже текст» (с. 14).

Кроме того, предложено отказаться от «ориентации на принцип жестко-принудительной линейной развертки синтаксической структуры в самый момент ее создания» (с. 19) и учитывать «различные стратегии синтаксического построения комплексных сегментов» (с. 20). «Если предположить, – пишет в этой связи К.Я. Сигал, – что на этапе внутреннего программирования высказывания одним из таких механизмов является глубинный эллипсис повторяющихся слов <...>, то можно осмыслить результат опущения избыточного слова еще до момента речевой реализации высказывания» (с. 20). Поэтому явление «частичной удвоенности» словосочетаний не может, по мнению автора, выступать доказательством того, что словосочетание не является «строительным материалом»² для предложения.

Считаем важным и частное замечание К.Я. Сигала о «склеивании» номинативной и коммуникативной функций «в предложениях типа N₁ или в любом по структуре предложении, находящемся в такой сильной позиции текста, как заглавие» (с. 13), поскольку далеко не все исследователи считают названия синтакси-

¹ В концепции этого автора считаться единицей может язык только слово (и фразеологизм), но не фонема, морфема, синтаксическое словосочетание и предложение [Фоменко, 2002, с. 10].

² Подчеркнем, что современная мыслительная парадигма (взгляд на язык как естественное, а не искусственное образование) предполагает принципиально иной характер лингвистических метафор: «Архитектурно-строительные метафоры (этаж, фундамент, краеугольные камни, строительный материал и проч.) применительно к уровням и единицам языка уподобляют язык рукотворному сооружению, астрономические и географические метафоры – явлениям природы, “семейные” – миру людей» [Высоцкая, 2006, с. 95].

ческими единицами и предпочитают трактовать их исключительно как компоненты лексической системы языка (это разногласие обуславливает различное орфографическое оформление названий).

Критика теории валентности вовсе не является самоцелью. К.Я. Сигал критически разбирает не только давшую старт дискуссии о словосочетании статью Ю.В. Фоменко, но и отклики на нее А.И. Моисеева, С.Г. Тер-Минасовой и Н.Б. Гвишиани, Р.Ю. Кобрина и К.Я. Авербуха. При этом автор монографии поднимает различные вопросы теории словосочетания. Критикуя выделение предикативных и сочинительных словосочетаний, он выступает за понимание словосочетания в узком терминологическом значении, считая, что этот термин «разумно сохранить исключительно для обозначения подчинительных словосочетаний» (с. 27).

С увлечением разбирая тонкие нюансы теории словосочетания, К.Я. Сигал допускает, однако, некоторые неточности в других вопросах. Не вполне понятна его позиция в отношении иерархии синтаксических единиц. Справедливо полагая, что их номинативная ценность может быть определена с учетом структурно-семантического устройства иерархической организации синтаксических единиц (эту мысль мы полностью разделяем!), автор выделяет следующую триаду комплексов синтаксических единиц: «словосочетание (непредикативная подчинительная конструкция) → полупредикативная конструкция → (моно)предикативная конструкция» (с. 33), — деликатно называя все ее компоненты конструкциями¹. Обратим внимание на то, что эта иерархия выделена «на уровне простого предложения» (с. 33). Не вполне ясен в таком случае статус полупредикативных конструкций. (Моно)предикативная конструкция, как пишет далее К.Я. Сигал, обозначает абсолютно автономную ситуацию, получившую предикативное выражение. Словосочетание (как и слово!) обозначает фрагмент ситуации. Предложение и словосочетание составляют оппозицию, роль среднего члена которой, если мы правильно понимаем К.Я. Сигала, выполняет полупредикативная конструкция, обозначающая «относительно автономную ситуацию, пониженную в своем предикативном статусе» (с. 33). Интересно, как Кирилл Яковлевич квалифицирует осложненное² предложение? Как разновидность простого?

По словам К.Я. Сигала, в качестве номинативной задачи (в широком понимании) собственно словосочетания «есть основания рассматривать только обозначение самого ОТНОШЕНИЯ, тогда как обозначение элементов, вступающих в то или иное ОТНОШЕНИЕ, является номинативной задачей слов, образующих словосочетание» (с. 34). Но какова же, позвольте, в таком случае «номинативная задача» предлога и флексии? И чем тогда словосочетание принципиально отличается от словоформы?

Подчеркивая, что далеко не все нарушения в построении словосочетаний можно объяснить теорией валентности, К.Я. Сигал определяет как насущную задачу синтаксиса «поиск различных механизмов, обеспечивающих путь от слово-

¹ Собственно говоря, и другие синтаксисты предпочитают уйти от точного обозначения статуса компонентов этой триады. Так, В.В. Бабайцева говорит о возможности разделить «группы слов и словоформ» на предикативные, полупредикативные и непредикативные сочетания [Бабайцева, 1979, с. 36].

² При структурно-семантическом подходе осложненное предложение принято выделять в особый промежуточный тип, который представляет собой специфическую форму выражения синкретизма двух противопоставленных синтаксических типов (простого и сложного предложений). Как промежуточное звено монопредикативными и полипредикативными единицами можно квалифицировать, например, осложненные предложения с распространенным инфинитивным оборотом и союзом *чтобы* [Высоцкая, 2000], совмещающие семантику простого и форму сложного предложения: ...*Шлет с письмом она гонца, Чтоб обрадовать отца* (А. Пушкин). Тогда логично рассматривать все так называемые «обороты» за пределами простого предложения.

сочетания как языковой модели к словосочетанию как речевой реализации» (с. 39). Эта мысль представляется очень важной.

Далее анализируются статьи М.И. Задорожного, в которых концепция словосочетания рассматривается в связи с научной и учебной деятельностью. Показывая несостоятельность номинативной концепции как теоретической модели обучения словосочетанию в школе, М.И. Задорожный рассматривает словосочетание как комбинаторно-синтаксическую единицу.

Испытание практикой, безусловно, выдерживает не всякая теория. Коль скоро слова объединяются «в речи и мысли» [Пешковский, 2001, с. 35], следует изучать эти объединения, как бы они ни назывались – «словосочетания», «пары слов», «сочетания слов», «словесные единства», «группы», «блоки», «кусты» и др. [Бабайцева, 1979, с. 36].

Завершает первую главу монографии описание психолингвистического эксперимента, призванного выяснить, является ли словосочетание только единицей (в терминологии А.А. Леонтьева) «языкового стандарта» или же еще и единицей «языковой способности и языкового процесса». Весьма любопытны как описание условий и результатов, так и собственно материал эксперимента, представленный в Приложениях (с. 50–55).

В эксперименте участвовало 51 человек. Испытуемым в возрасте от 19 до 26 лет, имеющим высшее и незаконченное высшее образование (преимущественно не лингвистическое!), предлагалось дать определение словосочетанию и придумать три словосочетания (или более). Подлинная цель экспериментального исследования не сообщалась: испытуемые восприняли задания как тест. Образцов построения метаязыковых высказываний и речевых образцов не давалось. Большинство испытуемых справились с заданиями: зафиксировано только три отказа при выполнении первого и два – при выполнении второго задания.

Каковы же результаты эксперимента? На основании анализа первого задания К.Я. Сигал делает выводы о том, что «существующая в коллективном языковом сознании эмпирическая генерализация словосочетаний довольно близка научному понятию “словосочетание”, которое представлено у А.А. Шахматова и В.В. Виноградова», что «далеко не все... имеют потребность и, соответственно, навык объективировать свои метаязыковые представления, тогда как способностью соотносить метаязыковые “этикетки” (термины) с речевыми фактами, которыми они обозначаются, обладают почти все взрослые носители языка», что, наконец, «словосочетание осознается как целостная синтаксическая единица и, главное, как психологически реальный предмет речевой феноменологии и речевого опыта» (с. 43).

Анализ речевой продукции показал, что подавляющее большинство примеров – 134 (82,8 %) из 162 реакций – соответствует «каноническому» (собственно подчинительному) словосочетанию. В остальных случаях приведены примеры 1) предикативных конструкций; 2) сложных и сложнопроизводных слов; 3) наречий, образованных с помощью повтора; 4) предложно-падежных словоформ; 5) составного имени числительного.

Некоторые реакции вполне предсказуемы, поскольку соотносятся с широким пониманием словосочетания в лингвистике. Что касается «словообразовательных» реакций, то они, вероятно, построены на истолковании термина по его внутренней форме (возможность такого толкования отмечена и применительно к первому заданию).

Несомненным достоинством исследования является сопоставление двух этапов эксперимента, при котором «соотнесение эксплицированного метаязыкового представления о словосочетании с конкретными речевыми реакциями испытуемого» (с. 44) позволяет найти причины различных реакций.

К.Я. Сигал подчеркивает, что среди отклонений от «канонического» словосочетания не встретилось ни одного сочинительного сочетания (с. 45). Однако

при этом неизбежно возникает вопрос обусловленности метаязыкового сознания взрослых носителей языка и лингвометодической концепции, с которой они познакомились в школе. К сожалению, описываемый эксперимент не предполагал учета того, по каким программам учились испытуемые. Можно только предположить, что большинство из них не имеет никакого представления о сочинительных сочетаниях, поскольку в школьной практике (как и в синтаксической науке) господствует¹ узкое понимание словосочетания.

Не удивительно, что в сознании испытуемых преобладает элементарная двухкомпонентная модель словосочетания (сложные словосочетания составляют лишь 1,9 %), как не удивительно и то, что прототипическим является субстантивно-адъективное словосочетание с атрибутивными отношениями (модель N+Adj). Об этом красноречиво свидетельствуют 87 приведенных словосочетаний, что составляет больше половины всех реакций. Эти ответы даны в 37 из 49 анкет. По данным К.Я. Сигала (с. 48), примеры «канонических» словосочетаний приведены даже в случаях «неканонического» толкования словосочетания в первом задании. Нетрудно убедиться, что во многих анкетах (точного подсчета мы не производили, однако это почти половина испытуемых) именно такой тип словосочетаний является единственным (см., например, анк. 15: *красивый цветок, большой арбуз, деревянный карандаш*) или преобладающим (анк. 29: *темно-синий, красивая девушка, золотое кольцо*).

Отвечая на вопрос о том, почему именно эта структура словосочетания оказывается прототипической (в норме и, по некоторым данным, в патологии), экспериментатор называет две причины: 1) «словосочетания данной структурной разновидности отражают способность одного типа синтаксической связи – согласования – выражать один тип смысловых отношений – атрибутивные» (с. 49); 2) «выполнять функции главного и зависимого компонентов в данных словосочетаниях могут любые представители класса субстантивов и адъективов соответственно, вне зависимости от их частного таксономического статуса» (с. 50). Заметим, что именно эти словосочетания являются самыми «неконфликтными», поскольку для их создания говорящий должен заботиться только о смысловой сочетаемости компонентов, процесс «выравнивая» формы зависимого слова по главному трудностей, как правило, не вызывает (если только речь не идет об определении рода несклоняемых существительных).

Как убедительно показывает проведенный эксперимент, прототипический образ словосочетания связан у взрослых носителей языка с субстантивными словосочетаниями в целом (с. 47). Это, вероятно, не случайно. Субстантивная форма оказывается востребованным² «шаблоном» (выражаясь словами Э. Сепира) для компоновки действительности. Существительное является прототипическим, «идеальным» именем, поскольку лучше другим частям речи соотносится с понятием (кстати, и в описании концептосферы преобладают имена существительные). Сочетание с определяемым словом ограничивает объем понятия, позволяя в ряде случаев противопоставить понятия родовые (*пальма*) и видовые (*пальма кокосовая, пальма фиговая*).

Данные проведенного К.Я. Сигалом эксперимента позволяют выстроить «шкалу приоритетности»: согласование > управление > примыкание (с. 47). Из-

¹ См. понятие о сочинительных словосочетаниях в учебниках [Бабайцева, Чеснокова, 1992; Бабайцева, 1995].

² Очевидно, именно с ней связаны попытки «остановить мгновение» и постичь сущность бытия. Нами отмечена масштабность и универсальность субстантивации [Высоцкая, 2009] (при окказиональной субстантивации практически любой феномен может стать предметом речи / мысли!), можно упомянуть в этой связи и продуктивность номинализации [Серио, 2002], и обилие субстантивных конструкций [Столярова, 1990] в современном русском языке.

вестно, что именно такой порядок изучения типов синтаксической связи слов в школьной и вузовской практике. Анкет с примерами всех трех типов подчинительной связи, по нашим наблюдениям, всего две (анк. 1 и 3). Возможно, именно их авторы имеют высшее лингвистическое образование? О нескольких таких испытуемых упомянуто при описании условий эксперимента.

Не вызывают сомнений выводы экспериментатора о доминировании строевой, «производственной» стратегии использования словосочетаний (с. 48): «придумывание» преобладает над «припоминанием». Более того, материал некоторых анкет позволяет выявить различные способы потенциальной наррации (ср. анк. 10: *яркое солнце, полуденное яркое солнце, сияло солнце, ярко сияло солнце* – и анк. 51: *мама мыла раму, на улице идет дождь, завтра будет холодно*).

Интерпретация материалов эксперимента позволяет исследователю утверждать, что словосочетание является неотъемлемой принадлежностью «онтологии языкового сознания носителей языка» (с. 50).

Вторая часть рецензируемой монографии начинается с теоретического обзора научной литературы. Предметом анализа стали представления о синтаксической форме словосочетания в трудах отечественных лингвистов: Ф.Ф. Фортунатова, Н.Н. Дурново, А.М. Пешковского, В.П. Сухотина, П.А. Леканта, А.Н. Печникова, Е.Н. Смольяниновой, Е.Н. Ширяева и др.

Затем на ярком материале произведений русской классической и современной литературы исследуются особенности субстантивно-адъективных словосочетаний, в частности – форма их компонентов, порядок слов, возможности распространения и дистантного употребления, особенности функционирования и дискурсивные свойства. Так, постпозиция адъективного компонента способствует коммуникативной актуализации признака, а в некоторых случаях может служить маркером инвективного употребления словосочетания (с. 76).

Противопоставляя атрибутивные и предикативные конструкции, К.Я. Сигал выявляет «семь формально-конструктивных параметров, имеющих системную значимость для синтаксической формы словосочетания N+Adj» (с. 81). Это: 1) конструктивная формула; 2) тип связи; 3) интонация; 4) порядок компонентов; 5) реакция на актуальное членение предложения; 6) реакция на распространение субстантивного или адъективного компонента; 7) наличие / отсутствие ограничений на краткую форму адъективного компонента. Сделан вывод о том, что полипараметрический характер формально-конструктивной организации и иерархический принцип ее устройства делают синтаксическую форму исследуемых словосочетаний «автономной репрезентацией атрибутивных отношений не только в системном, но и в функциональном плане» (с. 83).

Завершает книгу раздел «Вместо заключения», в котором намечены направления дальнейшего исследования. Они связываются, в первую очередь, с апробацией предложенной в книге экспериментальной методики на более широком материале для выявления «прототипической модели словосочетания в языковом сознании носителей типологически и генетически различных языков» (с. 84). Кроме того, предполагается изучение метаязыковой рефлексии носителей языка над структурными качествами словосочетаний. Наконец, третья линия перспективы связывается с дискурсивным анализом семантических трансформаций словосочетаний.

Представляется вполне обоснованным итоговый вывод К.Я. Сигала о многовариантности построения словосочетаний, которое обеспечивается как за счет валентностной комбинаторики, так и за счет дополняющих ее конструктивных сдвигов, а также за счет никак не связанных с нею синтаксических процессов (с. 84). Именно поэтому теория валентности может рассматриваться как возможный, но далеко не исчерпывающий подход в изучении синтаксиса словосочетания. В заключение исследователь настаивает на необходимости создания «психо-

лингвистически обоснованной модели актуального генезиса словосочетаний при порождении речевого высказывания» (с. 85).

Можно с полным основанием утверждать, что настоящая работа носит антропоцентрический характер, обогащает теорию словосочетания свежими идеями и оригинальными решениями, вводит в научный обиход новые методы исследования и систематизирует новый разнообразный материал.

Заканчивая наш разбор, обозначим вопросы, непосредственно связанные с проблематикой монографии К.Я. Сигала.

На защите докторской диссертации мне был задан вопрос о том, является ли некое явление «феноменом языка» или же «термином языка описания, при помощи которого можно описать нечто в языке». Очевидно, что автор вопроса допускал возможность разделения¹ явлений языка и науки о языке. В концепции К.Я. Сигала единица языка и единица лингвистики уравниваются (так же, как единица языкового сознания и единица психолингвистики). Только ответив на вопрос о тождестве предмета лингвистического описания и его метаязыка можно решить, является ли словосочетание единицей языка.

Подчеркивая несомненную значимость исследования метаязыкового сознания, усомнимся в правомерности его отождествления с языковым сознанием вообще. Метаязыковое сознание носителей языка составляет только часть языкового сознания, поскольку актуализируется в определенных ситуациях семиотического речевого поведения, противопоставленного утилитарному. Представляется перспективным изучение разных типов речевого поведения (которые соответствуют, вероятно, разным уровням языкового сознания) и сопоставление метаязыковых представлений с теми, которые существуют неосознанно и обычно не подвергаются метаязыковому осмыслению. Кстати сам К.Я. Сигал отмечает, что ряд определений словосочетания, полученных им в ходе психолингвистического эксперимента, соотносится с формулой обыденного сознания – русским устойчивым выражением *<кто-либо> двух слов связать не может* (с. 42).

Написанная блестящим слогом, концентрирующая многочисленные лингвистические проблемы и открывающая новые ракурсы, казалось бы, решенных вопросов, книга К.Я. Сигала провоцирует на размышление, становится своеобразным генератором мысли, что является несомненным достоинством этого научного сочинения. Думается, что каждый из его читателей сможет открыть много неожиданного и интересного.

Литература

Бабайцева В.В. Русский язык: Синтаксис и пунктуация. М., 1979.

Бабайцева В.В. Русский язык: Теория. 5–11 кл.: Учеб. для общеобразоват. учеб. заведений. М., 1995.

Бабайцева В.В., Чеснокова Л.Д. Русский язык: Теория: Учеб. для 5–9 кл. общеобразоват. учеб. заведений. М., 1992.

Высоцкая И.В. Синтаксический статус предложений со значением цели (с точки зрения теории переходности) // Исследование языковых единиц в их динамике и взаимодействии. М.; Уфа, 2000. С. 132–140.

Высоцкая И.В. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка. М., 2006.

Высоцкая И.В. Субстантивация в свете теории синхронной переходности. Новосибирск, 2009.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001.

¹ Ему соответствует и утверждение о том, что словосочетание является единицей не языка, но синтаксиса (как раздела науки о языке).

Серио П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М., 2002. С. 337–383.

Сигал К.Я. Сочинительные конструкции в тексте: опыт теоретическо-экспериментального исследования (на материале простого предложения). М., 2004.

Сигал К.Я., Юрьева Н.М. Метод эксперимента и его применение в речевых исследованиях / Отв. ред. В.А. Виноградов; РАН, Ин-т языкознания. М., 2009.

Столярова Л.П. Субстантивная конструкция – основное звено малого синтаксиса. Днепропетровск, 1990.

Фоменко Ю.В. Русистика конца 20 – начала 21 века. Достижения и заблуждения // Современная русистика. Поиски и проблемы: Сб. статей / Под ред. Т.В. Кузнецовой. Новосибирск, 2002. С. 8–25.